

Порядок слов в переводе и синтаксический строй в большинстве случаев строго соответствуют подлиннику, однако во многих местах мы находим и отступления от оригинала, там, где к этому обязывает дух родного языка переводчика, и перевод благодаря этому становится более логичным и прозрачным. В греческом мы читаем: ἐναντὶθα δὲ τοῖς ἐχθροῖς ἐφάνας τοῦ Χριστοῦ καθ' ἡμῶν (Здесь же врагам светило Христа против нас). В переводе: «Здѣ же врагом христовымъ свѣтяше на насъ». Обычно каждой лексеме греческого оригинала в переводе соответствует при всех случаях употребления одна и та же славянская лексема. Однако нами найдено 38 случаев, не считая местоимений и предлогов, когда одна и та же греческая лексема передается различными русскими, например: ἀχοσμία — «некрасота» и «нелѣпота»; δύναμις — «сила» и «крѣпость»; φωνή — «воплъ» и «гласъ». При этом, наоборот, наблюдается 12 случаев, когда одним и тем же славянским словом переводятся различные греческие лексемы, например: ἐρήμωσις и ἄλωσις — «запустѣнне»; ἀγαθός и χρηστός — «благий»; κίνδυνος и συμφορά переданы словом «бѣда». Так же свободно подходил переводчик и к передаче сложных слов подлинника сочетанием двух слов, равных по смыслу, или заменяя простое слово греческого оригинала славянским сложным. Все это показывает, что переводчик «Рыдания», как и его предшественники, не следовал рабски переводимому оригиналу и проявлял богатые стилистические возможности славяно-русского литературно-письменного языка.¹⁶²

Примерами высокого переводческого мастерства мы можем признать и другие образцы переводной литературы XV—начала XVI в., хотя они и переводились различными лицами и с различных языков. Таков перевод «Прения живота со смертью», сделанный с нижненемецкого оригинала,¹⁶³ или выполненное Федором Карповым переложение стиха Овидия.¹⁶⁴

Искусство перевода, которым обладали древнерусские переводчики, заслуживает глубокого и всестороннего изучения. Наша филологическая наука и сейчас еще испытывает настоятельную нужду в тщательно разработанной теории перевода. Если таковая теория будет создаваться, то, разумеется, при ее выработке нельзя проходить мимо тех успехов и достижений переводческой практики, которыми были отмечены труды древних славяно-русских мастеров перевода. Эти безвестные художники слова не имели научно обоснованной теории перевода, по крайней мере до наших дней не дошло от нее никаких следов. Подобно тому как древнерусские зодчие, не зная высшей математики, не производя инженерных расчетов, смогли с высоким искусством разрешать встававшие перед ними технические и художественные задачи, выстроив такие сокровища архитектуры, как София Новгородская или храм Покрова на Нерли, оставшиеся безвестными мастера переводческого дела оставили векам полные выразительности и силы образцы в полном смысле художественных переводов, не

¹⁶² См. об этом частично в нашей статье «„Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод» (Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 81—84).

¹⁶³ Herbert Raab. Zu einigen Niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slavistik, B. III. Berlin, 1958, стр. 324—325.

¹⁶⁴ Сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии наук 22 февраля 1914 г. — Известия Академии наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105. См. также: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 281 («Нынѣ живут от похищения. Нестъ гостиникъ от гостя без боязни. Нестъ теть от зятя; и братская убо любовь редка есть». Латинский подлинник: Vivitur ex rapto; non hospes ab hospite tutus. Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est).